

В молодости иные говорили о нем: «Оссовский? Ну как же — труженик». Де, мол, добился немало... усердием. А усердие — то появляется ли без настоящего требования таланта? Молодые редко это знают. Зато теперь понятно: не появляется. И тот, кто считал себя не нуждающимся в усердии — я талантлив, и этого достаточно! — просто перестал и вовсе быть художником.

Ведь быть художником — значит быть им ежеминутно, с утра до темна, без воскресений, праздников и отпуска. Его жизнь — сплошной рабочий день — так говорил Рильке о Родене.

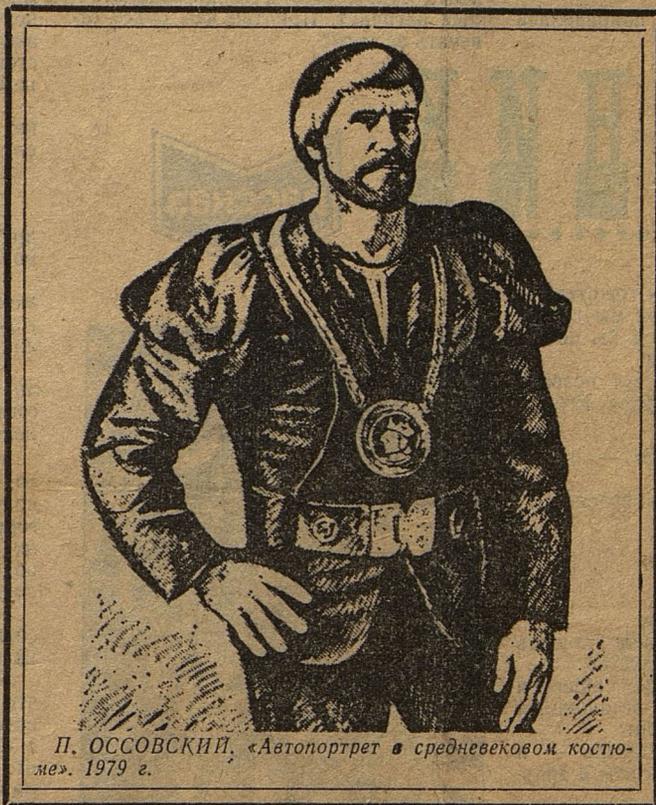
Я помню четвертьвековой давности встречу с живописью Петра Оссовского. Помню свое ощущение от нее — не сюжет, не название картины. Кажется, что-то московское, зимнее, свежее. И мое открытое навстречу сердце. Искусство это сразу было принято как что-то близкое, родное. Ведь в юности выбираешь любимое по закону детской игры: холодно, теплее, горячо. Впрочем, многие, как и я, признаются, что играют в эту игру всю жизнь...

Потом — выставки «Куба» и «Мексика». Хронология здесь зрительская, моя. И снова вспоминаются не сюжеты и не названия полотен, стоят в глазах резкие сочетания охры, черного, красного; оливковая зелень и выгоревшее небо; удивительные лица людей... «лица» зверей.

Прошло чуть ли не полтора десятилетия, и, читая «Сто лет одиночества» колумбийца Габриэля Гарсиа Маркеса, я вспомнила живопись и графику Оссовского, посвященные Латинской Америке. Скажут: возле Маркеса можно вспомнить и Ороско, и Риверу, и Сикейросу... Да ведь я-то читала роман в переводе на русский, и таким же переводом на русский латиноамериканского мира, его истории и надежд, его быта и его героев была для меня встреча с «Кубой» и «Мексикой» Оссовского. Он увидел те страны русским глазом, перевел их, открыл их.

Увидеть дальние страны русским глазом — традиция старая и в нашем национальном искусстве, и в литературе. Но дано такое немногим, к тому же очень основательным мастерам. Иной поживет в Париже да и станет «парижанином». А Карамзина или Бунина не изменить, а у Сильвестра Щедрина или Перова Франция-Италия прошла через Россию. Вот отчего ракурсы, персонажи, палитра их зарубежных вещей необычайны. А мы, их соотечественники, лучше все-

СПЛОШНОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ

П. ОССОВСКИЙ, «Автопортрет в средневековом костюме». 1979 г.

го видим и понимаем дальние земли в их рассказе, верим ему.

Вот так — теперь я еще больше нарушу хронологию! — воспринимаешь в передаче Оссовского Болгарию и Италию, Чехословакию и Финляндию. И эти столько же несхожие между собой, как несхожие и с Россией, страны Петр Оссовский увидел своим русским глазом. Глазом, привычно воспринимающим широчайший оком великого родного пространства и оттого вмещающим больше, чем привычно, в пейзаже дивных этих стран.

Быть может, если Петр Оссовский не создал бы знаменитого своего холста «Три поколения», сериалов «Люди Сибири» и «Рубежи жизни Родины», где исследование человека, его судь-

бы и характера, его прошлого и будущего велось параллельно с изучением самой отеческой земли, ее нрава, ее связи с каждым из нас, художник не мог бы так понять, а главное — подарить своему зрителю дальние миры и земли. В его мировидении много лет создавалась особая призма. Назовем ее исторической, или призмой народной памяти, что в сущности одно и то же. Сквозь эту призму современные псковские кузнецы (сериал «На земле древнего Пскова») кажутся легендарными оружейниками средневековья; пятеро сегодняшних парней в резиновых сапогах выглядят былинной дружиной («Рыбаки Псковского озера»), а красноармеец годов гражданской войны («Рубежи жизни

Родины») словно бы помолодел на несколько десятилетий и задумчиво сидит над рекой в затканный летний час, вдыхая завоваанный в тяжких боях покой («Розовое облако»).

Лирический герой поэтической живописи Оссовского так и не изменился с годами. Это все тот же ясный, сильный, добрый человек, которого видали и знавали мы прежде. Тот, кто любовался юной матерью в 1958 году («Материнство») и слышал в 1959 году мокрый шлепок белья, развешиваемого на ветру над окраинным катком («Московская окраина. Зима»), тот же, кто так страстно в юности своей любил шоссе, железнодорожные переезды, тропинки, улицы — словом, след человека на земле и путь его в будущее.

Постоянство лирического героя — одна из важнейших примет классики. Может меняться, становиться выше и виртуозней мастерство, могут являться неожиданные темы и сюжеты, может даже стать совершенно новой палитра художника, но сам он, так тесно слитый с внутренним персонажем своего искусства, должен утвердиться достоинством, а Петр Оссовский обладает им безусловно.

Четыре новых произведения мастера — «Золотой Кремлевский холм», «Века проходят над Кремлем», «Солнце над Красной площадью» и «Дворцовая площадь» — представлены на соискание Государственной премии СССР 1985 года и, я думаю, как нельзя более этому соотвествуют. Хочется добавить, что четыре холста достойно венчают ту совокупность, которая вошла в советскую живопись с

творчеством Оссовского. Эту совокупность вы можете увидеть сегодня в одном из старейших выставочных залов Москвы — на Кузнецком мосту, 11, — там открыта экспозиция полотен шестидесятилетнего художника.

Посмотрите на серию холстов «Баллада о России» — путешествие по северу, востоку, западу Родины, вы видите ее природу, жизнь, ее сокровища: Кремлевский золотой холм и мотивы Суздалья, Енисей и Тригорские холмы в Пушкинском заповеднике, Дворцовая площадь в Ленинграде и заштатный железнодорожный переезд где-то в русской глубинке.

Всем родным городам и весям Оссовский дарит равную меру своей сыновней любви и неистового труда. Да, он, как и в юности, вечный труженик. Встает на заре. Стоит у мольберта, пока светло. Он работает со страстью и усердием, которые рождаются на свет только талантом — «даром божьим», как сказали бы старики, мудрые герои этого художника. Его почти физическое наслаждение работой мы чувствуем возле полотен, температура его больших чувств согревает наши души.

Для альбома «Баллада о России» Оссовский сделал автопортрет, где он напоминает древнего русича. Похож на себя? Конечно, очень похож. Самоуглублен, серьезен, вечно молод и немногословен, как в жизни. И те же будто резкие и в то же время мягкие, юношеские черты: светлые глаза, волосы, готовый улыбнуться рот. Такой и есть Петр Павлович Оссовский, чья жизнь (еще раз вспомним точные слова Рильке) — сплошной рабочий день.

Александра ПИСТУНОВА

«Девушка с коромыслом». Из серии «На земле древнего Пскова». 1984 г.